

Научная статья

УДК 304.9

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-98-107

КВАЗИГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И НАДЗОРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Коротков Н. В.^{1*}, Мусин А. И.^{2,3}

¹Кировский государственный медицинский университет, г. Киров, Российская Федерация

²Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Российская Федерация

³Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: n_korotkov@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2025

После доработки 25.09.2025

Принята к публикации 06.10.2025

Аннотация

Цель. Анализ квазигуманистических идей псевдо-, анти-, транс-, пост- и неогуманизма в контексте современной реальности надзорного капитализма.

Процедура и методы. Методы классификации, критического анализа, обобщения.

Результаты. Показано, что надзорный капитализм с ранних стадий своего развития приобрёл псевдогуманистический характер, имея скрытые властные претензии на сбор как можно большего количества поведенческих данных с пользователей. Выявлено, что отношение к пользователям как к источнику ресурсов нового типа – поведенческих излишков – является признаком зарождающегося постгуманизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ответ на вызовы надзорного капитализма предложено использовать неогуманизм на базе христианской традиции, что обуславливает практическое значение исследования для философов, теологов, экономистов, изучающих устройство современного цифрового общества.

Ключевые слова: надзорный капитализм, поведенческие излишки, постгуманизм, псевдогуманизм, христианский неогуманизм, цифровая власть

Для цитирования:

Коротков Н. В., Мусин А. И. Квазигуманистические идеи и надзорный капитализм как социальная реальность // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 98–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-98-107>.

Original research article

QUASI-HUMANISTIC IDEAS AND SURVEILLANCE CAPITALISM AS SOCIAL REALITY

N. Korotkov^{1*}, A. Musin^{2,3}

¹Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation

²Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russian Federation

³Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

*Corresponding author; e-mail: n_korotkov@mail.ru

Received by the editorial office 08.09.2025

Revised by the author 25.09.2025

Accepted for publication 06.10.2025

Abstract

Aim. To analyze quasi-humanistic ideas of pseudo-, anti-, trans-, post-, and neohumanism in the context of the contemporary reality of surveillance capitalism.

Methodology. The study employs classification, critical analysis, and generalization.

Results. It was demonstrated that surveillance capitalism, in its early stages, developed in a pseudo-humanistic manner while harboring hidden power ambitions to collect as much behavioral data from users as possible. The study revealed that treating users as a source of a new type of resource (behavioral surplus) is a sign of emerging post-humanism.

Research implication. It is proposed to use neo-humanism on the basis of the Christian tradition, which determines the practical significance of the study for philosophers, theologians, and economists studying the structure of modern digital society.

Keywords: pseudo-humanism, post-humanism, surveillance capitalism, behavioral surplus, digital power, Christian neohumanism

For citation:

Korotkov, N. V., Musin, A. I. (2025). Quasi-Humanistic Ideas and Surveillance Capitalism as Social Reality. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 98–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-98-107>.

Введение

В 2025 г. вышла статья [1], в которой были рассмотрены основные особенности современных социальных взаимоотношений, вызванных, по выражению авторов Я. В. Бондаревой и Г. А. Жаровонковой, «коррозией» идеи гуманизма. Такой термин кажется очень удачным и отражающим тот факт, что на определённом этапе истории идея гуманизма не просто эволюционировала или трансформировалась, а в самом деле распалась на набор идей, которые мы назовём «квазигуманистическими», маркируя этим термином новую (со времён Ренессанса и Просвещения) проблематизацию самой идеи гуманизма в ситуации современных кросскультурных исследований и таких философских трендов, как «антиантропоцентризм» [2], «борьба с видовой дискриминацией» [3], «нечеловеческие личности» и пр. Как резюмировал ситуацию в современной культурной антропологии бразильский исследователь Э. В. де Кастру: «Если всё может быть человеком, то ничто не является им чётко и недвусмысленно» [4, с. 36]. В этих условиях любая попытка концептуализации статуса человека в природе, в бытии («положение человека в космосе», говоря словами «отца» философской антропологии

М. Шелера) *a priori* имеет приблизительный характер («как бы», «будто», «почти»), не претендуя на завершённость – в силу множественности интерпретаций, зеркально умножающихся друг в друге.

В настоящей статье мы представим краткую классификацию квазигуманистических идей, а также попробуем осмыслить их в контексте новой социальной реальности под названием «надзорный капитализм».

От гуманизма к набору квазигуманистических идей

Догуманистический период. Как отмечается в Новой философской энциклопедии¹, гуманизм как явление, хотя и широко трактуется в современных исследованиях, тем не менее, своим возникновением обязан эпохе Возрождения и созданию новой светской культуры. Однако, как справедливо замечают авторы [1], протогуманистические идеи частично присутствуют в предшествующих культурах.

Одним из важнейших событий для догуманистического периода является Боговоплощение. Христианское учение о том, что Бог стал человеком, а человек при-

¹ Гуманизм // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 567–569.

зывается в общении с Богом, несёт в себе освободительный потенциал для человека, который теперь является не игрушкой в руках языческих богов, а образом Единого Бога-Творца.

Ключевой становится идея *обожения* как преобразования человеческой природы под воздействием Бога, в результате которого человек всё более и более уподобляется Богу, становясь «богом по благодати»¹. При этом, в отличие от неоплатоников, у которых соединение души с божеством сопровождается освобождением от материального, у христианских подвижников обожение понимается как процесс, охватывающий и душу, и тело. Такой подход можно называть *теоцентрическим протогуманизмом*, поскольку в его рамках утверждается ценность всей полноты человека, но только в его связи с Богом.

Кроме того, для протогуманизма древних христиан характерны подчёркнутое равенство всех людей перед Богом, деятельное осуждение рабства и социальной несправедливости, а также создание альтернативных форм жизни в монашеских общинах. Как показывает Дж. Агамбен, альтернативность монашеской жизни проявляется в инверсии традиционной юридической идеи соблюдения правил: монах не прилагает норму к жизни, а жизнь применяет к норме [5, с. 92]. Эта парадигма «шаг за шагом распространилась далеко за пределы монашества и церковной литургии в узком смысле, проникнув в мирскую сферу и оказав долговременное влияние как на этику, так и на политику на Западе» [5, с. 93].

Гуманизм. Процесс секуляризации, начавшийся в эпоху Возрождения (доказательство Лоренцо Валла подложности «Константинова дара», использование Рафаэлем Санти своей любовницы в качестве модели для изображения Богородицы и пр.) и продолжившийся в эпоху Просвещения (призыв Вольтера «раздавить гадину», «культ разума» в революционной Франции), несмотря на свой

нарастающий антиклерикализм, по сути, является своего рода «рационалистическим комментарием» к библейской борьбе с идолопоклонством «кесаризма» и космоцентризма («космическим прельщением» по более поздней удачной формулировке Н. А. Бердяева). Как показывает Х. Кокс, секуляризацию можно рассматривать как «эхо» и продолжение изначальной библейской традиции, для которой характерны:

1) «расколдовывание» природы, поскольку одна из целей рассказа о Сотворении мира в книге Бытия – «объяснить евреям, что магические представления о природе как о некоей полубожественной силе на самом деле ни на чём не основаны» [6, с. 38], поэтому, например, профанируются небесные светила, которые даже не называются Солнцем и Луной (Быт. 1: 14–18);

2) десакрализация политической власти при гражданском неповиновении и Исходе евреев из Египта [6, с. 41], с последующей борьбой пророков против соблазнов царской власти в самом Израиле (1 Цар. 8: 7), и непризнанием власти римского императора как верховного жреца (лат. Pontifex Maximus) в раннехристианской церкви.

В период классического гуманизма человек занимает самостоятельное место между Богом и природой, небом и землёй (становится «пограничником бытия»). Человек мыслится как свободный субъект познания и деятельности, управитель природы и общества. Гуманизм провозглашает ценность человеческой личности, научно-технологический прогресс и созвучное с этим развитие социальных отношений.

Псевдогуманизм. В XX в. с развитием неклассической философии появляется термин «псевдогуманизм» для описания кризиса классического гуманизма, когда тоталитарные государства использовали гуманистические лозунги для оправдания насилия. Для псевдогуманизма характерны: 1) подмена цели – декларация защиты человека при реальном подавлении свободы; 2) манипуляция сознанием с помощью особой языковой игры («новояза»), прекрасно описанной Дж. Оруэллом в романе

¹ Обожение // Православная энциклопедия. Т. 52 / М.: Православная энциклопедия, 2018. С. 263–268.

«1984»; 3) селективность – забота об одной социальной группе за счёт пренебрежения или даже исключения заботы о других группах.

Наряду с «тоталитарным» («оружейно-ловским») вариантом псевдогуманизма можно выделить и «либеральный псевдогуманизм», характерным примером которого, на наш взгляд, является *современный стоицизм*, представленный трудами Д. Робертсона, М. Пильюччи, Н. Талеба и многих других¹ – своего рода «ремейк» античного стоицизма, претендующий на роль новой / старой картины мира для «постхристианского Запада». По сути, современный стоицизм выполняет функцию «идейного импортозамещения» восточных философий, чьи адепты с середины прошлого века плотно «окупили» культурное пространство Европы и Америки (гуру дзен-буддизма, кришнаизма и даосизма составляют конкуренцию рок-звездам, не говоря уж о профессорах философии). Зато теперь объявления о тантрической медитации активно клеиваются объявлениями о курсах стоической медитации, международные симпозиумы-стоиконки собирают тысячи участников, а тиражи книг формата «Стоицизм на каждый день» фактически растворили в себе жанр литературы самопомощи («self-help»).

Современный стоицизм позиционируется как эффективный способ личностного развития, способный превратить любого в «супергероя» с помощью специальных психотехник типа «когнитивного дистанцирования» [7, с. 189–193] или «дихотомии контроля», которая сводится к рекомендации менять не обстоятельства, а своё отно-

шение к ним. Вместе с тем рекомендация эта не бесспорна и является прямым следствием из весьма специфической *онтологии* античного стоицизма, моделирующей космос как разумный сверхорганизм, в котором исключены случайности, и каждый индивид, безотнositельно к его личным «хотелкам», занимает именно то место, которое необходимо для гармонии целого. Поэтому личный дискомфорт, «суета и томление духа» вызваны исключительно неспособностью индивида посмотреть на себя «с точки зрения космоса».

Скажем, для А. И. Герцена ссылка в Вятку была несчастьем, но для самой Вятки – благом: появилась публичная библиотека, местная элита познакомилась со столичными трендами «из первых уст», публичная жизнь в целом оживилась. При всей её «уютности» в такой телеологической онтологии фантазия и любые попытки выйти за рамки «здорового смысла» суть эскапизм, ибо «разумно лишь то, что по природе». Словами Марка Аврелия: «Спеша всегда кратчайшим путём, а кратчайший путь – по природе, чтобы говорить и делать всё самым здоровым образом» [8, с. 22].

Вместе с тем, следствием из фантазии как «чаяния невозможного» является, вопреки мантрам современного стоицизма, не только раздражительность и уныние, но и вся современная цивилизация (не было бы самолёта без мечты о ковре-самолёте). Т. е. фактически стоицизм приносит в жертву внутреннему спокойствию личностное и общественное развитие.

Таким образом, на примере современного стоицизма мы наблюдаем реванш архаической – фаталистической и пантеистической – онтологии, не оставляющей места свободе человека (а следовательно, несовместимой с гуманизмом) против более поздних онтологий – христианской, экзистенциалистской, марксистской и пр., включая современную научную картину мира («глобально-эволюционную»). Поэтому современный стоицизм на поверку оказывается не неогуманизмом (о нём ниже), а одной из вариаций псевдогуманизма.

¹ Из интересных русскоязычных прецедентов можно назвать сообщество в социальной сети ВКонтакте «Стоицизм и 2D девицы» (URL: <https://vk.com/stoicismi2d>, дата обращения: 08.09.2025), где публикуются цитаты стоиков, и для дополнительного привлечения аудитории используются изображения девушек в стиле аниме. На момент написания статьи в сообществе более 8 тыс. подписчиков. Авторам известны и специализированные групповые чаты в социальных сетях, участники которых устраивают совместные чтения текстов стоиков и делятся друг с другом опытом применения стоических идей на практике.

Антигуманизм. Одной из возможных реакций на псевдогуманизм является *антигуманизм*, который отрицает ценность человека. Предвестниками антигуманизма стали констатация Ф. Ницше смерти Бога и традиционной христианской морали, а также открытия З. Фрейдом бессознательного, подрывающего идею рационального субъекта. Человек теперь мыслится как продукт внешних условий (языка, властных институтов, технологий), в терминологии М. Фуко, человек – продукт «техник подчинения тел и контроля за населением» [9, с. 244], так называемой «био-власти».

Трансгуманизм – одна из разновидностей антигуманизма, направленная на формальное улучшение человека через технологии, но на более глубоком уровне отрицающая природную сущность человека. Авторы статьи [1] в качестве примеров таких технологий называют интернет-революцию, искусственный интеллект (ИИ), блогосферу. Трансгуманистическое движение развивается в рамках процессов глобализации, которая, как замечает Е. В. Яровая в недавней работе [10], является важнейшим фактором объединения общественных институтов, науки и технологии для амбициозного проекта – преодоления физической конечности и смертности.

Ещё одно направление антигуманизма, *постгуманизм*, ставит вообще под сомнение исключительность человека, предлагая включить в пространство социальной жизни другие биологические организмы и роботов с искусственным интеллектом. Это приводит к концепции «мира без людей», в которой человеческой исключительности настал конец.

В современной научной периодике постгуманистические тенденции проявляются при использовании объектно-ориентированной онтологии (ООО) Г. Хармана [11; 12] и акторно-сетевой теории Б. Латура [12; 13], в которых утверждается онтологическое равенство всех объектов.

Неогуманизм. Противоположной антигуманизму реакцией на псевдогуманизм является *неогуманизм* как версия гуманизма, адаптированная к реалиям XXI в. Вера

в разум и свободу человека сохраняется, но дополняется идеями осторожного отношения к технологиям, межкультурного диалога и биоэтики.

Характерный пример неогуманизма является собой международный исследовательский проект «Словарь культуры XXI века»¹, движимый стремлением декolonизировать язык международного общения за счёт включения в него широкого корпуса слов из неевропейских языков (африканских: «кандака», «айе», «акуната матата»; индейских – «койянискаци», «апапача», «мамихлапинатапай»; арабского – «иншалла», «уэр-уэр», балтийских – «аткрасте» и др.). С другой стороны, есть вероятность, что тем самым в широкий (в пределе – глобальный) оборот массово волеются понятия и смыслы, изначально возникшие и развивавшиеся вне «гуманистической парадигмы», размывающие границу между человеком и животным и даже – между человеком и вещью.

Ещё один вариант мыслить о человеке в рамках неогуманизма – это *антропокосмизм*, утверждающий место человека в космосе не как центра мироздания, а как участника космологической эволюции. Методология антропокосмизма предполагает целостный подход к изучению человека с учётом не только естественно-научной картины мира, но и религиозного опыта. В связи с этим можно отметить недавнюю книгу учёного-физика и диакона А. В. Нестерука [14], который в рамках феноменологического подхода предлагает диалог между естественно-научным и богословским нарративами о Вселенной, помещая человека в точку пересечения этих нарративов.

Надзорный капитализм как социальная реальность

На наш взгляд, продуктивной для анализа квазигуманистических идей в современном цифровом обществе является теория *надзорного капитализма*. Термин «над-

¹ Словарь культуры XXI века: глобальная серия. Т. 1 / сост. И. Сид. М.: Институт перевода: Центр книги Рудомино, 2022. 464 с.

зорный капитализм» введён американским исследователем Шошаною Зубофф (р. 1951) и определён как «новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырьё, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» [15, с. 10]. Согласно её мнению, он отличается от классического капитализма в трёх аспектах: 1) «настаивает на своём праве на неограниченную свободу и неограниченное знание»; 2) принципиально технологизован, анонимизирован и отказывается от «органической взаимности с людьми»; 3) выступает за технологический коллективизм и прозрачность жизни (так называемая «жизнь в улье») [15, с. 639].

Инверсия процесса потребления как первый шаг. В середине 1999 г. открылся сервис Napster – файлообменная пиринговая сеть, которая позволяла легко обмениваться музыкальными файлами с другими людьми. Этот революционный для своего времени сервис отразил «новое качество спроса: потреблять по-моему, то, что я хочу, когда хочу, где хочу» [15, с. 42]. Napster просуществовал до 2001 г. и был остановлен по решению суда из-за многочисленных исков о нарушении авторских прав на музыкальные произведения. Однако компания Apple, воспользовавшись моментом и новыми возможностями цифровых технологий, произвела *инверсию* процесса потребления музыки – предложив решение, которое стало коммерчески успешным.

До выхода iPod музыкальная индустрия строилась на том, чтобы указывать покупателю, что он хочет купить, инвестируя в производство и выпуск компакт-дисков. Apple создала платформу iTunes и устройство iPod, на которой слушатели могли постоянно менять набор музыкальных треков по своему желанию. Таким образом, компания удовлетворила спрос на индивидуализированное потребление. Гуманистическая идея потребления «что, где, и когда я хочу» привела в итоге к множеству сервисов «в один клик», онлайн-курсов, приложений и устройств.

Поведенческие излишки как новый ресурс для извлечения прибыли. В 1998 г. была зарегистрирована компания Google. Google как поисковая система, помимо самой поисковой фразы, собирает и множество других *поведенческих данных*, таких как паузы при наборе, последовательность кликов мышкой, географическое положение и т. п. Зубофф показывает, что в ранний период развития Google поведенческие данные работали исключительно на благо пользователя (т. е. в гуманистическом ключе) [15, с. 94], поскольку на их основе улучшались скорость, точность и актуальность поиска.

На этом этапе механизм функционирования Google представляет собой одиночный *цикл реинвестирования поведенческой стоимости*: 1) создание поведенческих данных на стороне пользователя; 2) оцифровка поведенческих данных поисковиком; 3) анализ данных; 4) улучшение сервиса на основе результатов анализа; 5) обновлённый сервис предоставляется пользователю (возврат к п. 1). Однако этот цикл не позволял извлекать какую-либо устойчивую прибыль.

Очень скоро в политике компании произошло то, что мы назовём *псевдогуманистическим поворотом*: сохраняя на словах миссию «организовывать информацию всего мира и сделать её общедоступной и полезной», она перешла на другой механизм функционирования. В связи с окончанием эры «доткомов» спешно решалась задача по максимизации прибыли от рекламы. Идея инверсии потребления привела к тому, что теперь не рекламодатель выбирал ключевые слова, по которым будет показываться его рекламное объявление, а сам Google на основе *поведенческих излишков* (так называемое *таргетирование* рекламы). В рамках нового механизма поисковик теперь заинтересован собирать поведенческие данные на порядки больше, чем требуется для простого улучшения алгоритмов поиска.

К исходному циклу реинвестирования поведенческой стоимости, описанному выше, на этапе оцифровки (п. 2) присо-

единяется новый цикл. В нём: 1) излишки поведенческих данных передаются искусственному интеллекту как новому средству производства; 2) созданные ИИ предсказания пользовательского поведения продаются бизнес-клиентам [15, с. 130]. В широком смысле это не только рекламодатели, но и любые компании, которые хотят приобрести вероятностную информацию о поведении людей.

Пользователи поисковой системы с точки зрения экономических отношений не являются клиентами, поскольку не платят за поиск, не являются наёмными работниками, т. к. не получают заработной платы за генерацию поведенческих данных. Они являются *источником ресурсов* – поведенческих излишков, которые и приносят огромную прибыль.

Зубофф отмечает, что отношение к людям не как к потребителям, а как к ресурсу разворачивает кривую спроса и предложения «в направлении бизнесов, жаждущих предвидеть поведение отдельных лиц, групп и целых обществ» [15, с. 644]. Это приводит к тому, что экономические отношения перестают строиться на взаимовыгодном обмене товаров и услуг, которые теперь служат «для паразитических операций» [15, с. 645] по извлечению поведенческих излишков. Это Зубофф и называет отказом от «органической взаимности с людьми».

Отношение к человеку как ресурсу (своего рода «полезному ископаемому») является признаком зарождающегося постгуманизма и несёт угрозу «растворения» личности человека в цифровом пространстве с её заменой *аватаром*. Поисковые машины, социальные сети, интернет вещей и другие цифровые сервисы стирают границы между физическим миром и миром виртуальным, между человеком и пользователем, между мыслями и чувствами человека и предсказаниями пользовательского поведения на основе поведенческих излишков, постепенно погружая жизнь человека в постоянный акт слежки.

Комфорт как проявление псевдогуманизма. Маркетинг цифровых сервисов

основан на апелляции к удобству пользователя. В обмен на комфорт собираются поведенческие данные. Юридически этот процесс регламентируется *соглашениями о конфиденциальности*, принятие которого фактически обязательно: в противном случае сервис либо нельзя использовать вовсе, либо можно, но со значительными ограничениями.

Серьёзной проблемой является то, что практически никто из пользователей эти соглашения даже не читает. Зубофф приводит результаты исследования [15, с. 311], в котором 543 респондента, обладающих юридическими компетенциями, попросили зарегистрироваться в новом онлайн-сервисе. 74% из них приняли соглашение о конфиденциальности, не читая, а остальные, кто всё-таки просмотрел соглашение, сделали это очень быстро (медианное время – 14 секунд). Однако юридическая экспертиза показала, что для адекватного понимания этого документа требуется как минимум в 200 раз больше времени (не менее 45 минут). Таким образом, при надзорном капитализме извлечение и оцифровка поведенческих данных происходят *de facto* «несанкционированно, односторонне, жадно, тайно и нагло» [15, с. 316].

Необходимость передачи данных о пользователе и его предпочтениях подаётся как *персонализация* сервиса под конкретного человека для его же собственного комфорта. Конечно, раскрытие конфиденциальных данных происходит и перед своим лечащим врачом, юристом, бухгалтером, священником и т. д., но все они несут личную и институциональную ответственность за передачу конфиденциальной информации третьим лицам. Напротив, надзорные капиталисты практически не несут ответственности – соглашения о конфиденциальности составлены так, что разрешают передачу поведенческих данных неограниченному кругу третьих лиц.

«Умные» пылесосы, кровати и прочие элементы «умного» дома в рекламе противопоставляются традиционным «неумным». Слово «умный», как и слово «интеллект», применительно к ИИ – это

эвфемизмы, скрывающие подлинную суть вещей. Прилагательное «умный» характеризует прибор, собирающий поведенческие излишки, которые будут в дальнейшем циркулировать в базах распределённых данных, «интеллект» – алгоритм, имитирующий мыслительную деятельность человека, предназначенный для переработки поведенческого «сырья» и последующего извлечения прибыли.

Надзорно-капиталистический рынок цифровых продуктов мы характеризуем как псевдогуманистический, проповедующий комфорт для человека, но имплицитно подразумевающий не просто извлечение прибыли, но и новую цифровую власть над людьми. Проблемы приватности, этики интернет-технологий и властных претензий интернет-компаний очень актуальны и отражаются в современной культуре. В качестве примера можно привести фильм «Сфера» (2017), описывающий могущественную технологическую компанию, стремящуюся к тотальной прозрачности и контролю над личными данными. По мере погружения в корпоративную культуру главная героиня фильма узнаёт, что за благими намерениями компании скрываются слежка и манипуляции, и разоблачает истинные цели.

Неогуманистический ответ на вызов надзорного капитализма. Идея мира, в котором люди используются как ресурс, не нова, и присутствует в культуре, от «Машины времени» (1895) Г. Уэллса до фильма «Матрица» (1999). Возникает закономерный вопрос, как реагировать на вызовы развивающегося надзорного капитализма.

Автор этого термина, Зубофф, предлагает довольно мало конкретики. Она говорит, что «десятилетия экономической несправедливости и огромных концентраций богатства... сумели научить людей тому, как они не хотят жить» [15, с. 675–676] при классическом капитализме, и привели к развитию демократических институтов и законодательства. Так и эпоха надзорного капитализма научит людей тому, как они не хотят жить, об этом нужно высказы-

ваться «в полный голос» и «назвать опасность по имени и победить её» [15, с. 676].

На наш взгляд, альтернативой надзорному капитализму способен стать неогуманизм. Методологически он может строиться, кроме прочего, на платформе христианской теологической традиции, которая уже перестаёт восприниматься как маргинальная и возвращается в академический дискурс. Первоочередной и важнейшей задачей христианского неогуманизма является *десакрализация* искусственного интеллекта (сокрушение идолов) и возвращение субъектности человеку (человек не средство и не ресурс, а свободный субъект, сотворённый Богом).

Современный философ Ханс Ульрих Гумбрехт (р. 1948) назвал «склонностью современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии» [16, с. 11]. Хотя Гумбрехт рассматривает специфическую проблематику «культуры присутствия» и «культуры значения» в гуманитарных науках, *присутствие* он определяет наиболее общо как «пространственное отношение к миру и его предметам», предполагающее, что «до чего-то “присутствующего” можно дотронуться рукой» [16, с. 10]. На наш взгляд, надзорный капитализм в своём отказе от «органической взаимности» стремится отменить присутствие в отношениях между людьми, и «освящение повседневности» как христианская неогуманистическая практика сможет этому противостоять.

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели классификацию идей, названных нами *квазигуманистическими*, которые возникли после идеи классического гуманизма эпохи Возрождения. Для анализа этих идей в современном цифровом обществе была рассмотрена теория надзорного капитализма Ш. Зубоффа.

Основная черта надзорного капитализма, отличающая его от классического, – извлечение прибыли не путём переработки природ-

ных ресурсов и эксплуатации труда наёмных рабочих, а путём оцифровки поведенческих данных пользователей цифровых сервисов, которые собираются с огромным излишком. Псевдогуманистические лозунги цифровых компаний о комфорте и доступности информации на самом деле означают претензии на владение поведенческими излишками пользователей, которые не только приносят огромную прибыль на продаже таргетированной рекламы, но и дают цифровую власть над отдельными людьми.

Экономические отношения спроса и предложения на поведенческие излишки в надзорном капитализме реализуются по схеме В2В (бизнес для бизнеса), а пользо-

ватели являются просто источником этого вида ресурса. Смена отношения к пользователю с «клиента» на «ресурс» несёт постгуманистическую угрозу замены личности человека в цифровом пространстве «аватаром», с которым и будет осуществляться любое социальное взаимодействие.

В качестве возможного ответа на вызовы надзорного капитализма мы предлагаем христианский неогуманизм, который десакрализирует цифровые технологии и настаивает, что человек – не средство и не ресурс, а свободный субъект, отношения с которым ценны сами по себе и должны строиться на культуре «органической взаимности» и «присутствия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект) // *Современные философские исследования*. 2025. № 1. С. 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39.
2. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 390 с.
3. Сингер П. Освобождение животных / пред. Ю. Н. Харари; пер. с англ. А. Коробейникова. М.: Синдбад, 2021. 443 с.
4. Кастру Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с.
5. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с ит. и лат. С. Ермакова. 2-е изд. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 216 с.
6. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О. Боровой, К. Гуровской. М.: Восточная литература, 1995. 261 с.
7. Робертсон Д. Думай как римский император: стоическая философия Марка Аврелия для преодоления жизненных невзгод и обретения душевного равновесия / пер. с англ. Ю. С. Коряжиной. М.: Эксмо, БОМБОРА, 2020. 303 с.
8. Марк Аврелий. Размышления / пер. с греч. А. К. Гаврилова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. 245 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Яровая Е. В. Влияние трансгуманизма на социум. Перспективы и последствия // *Современные философские исследования*. 2025. № 1. С. 101–107. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-101-10.
11. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 256 с.
12. Лоскутов Ю. В. «Плоская онтология» в социальном контексте // *Новые идеи в философии*. 2021. № 8 (29). С. 89–98.
13. Криман А. И. Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте ухода от антропоцентризма в постгуманизме // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: реферативный журнал*. 2024. № 4. С. 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16.
14. Нестерук А. В. Бог, Вселенная и человек: философские перекрёстки христианского богословия, современной космологии и астробиологии. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2025. 480 с.
15. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Институт Гайдара, 2024. 784 с.

16. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.

REFERENCES

1. Bondareva, Ya. V. & Zhavoronkova, G. A. (2025). Formation of a New Social Reality (Humanism vs. Artificial Intelligence). In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39 (in Russ.).
2. Schaeffer, J.-M. (2010). *The End of Human Exceptionalism*. Moscow: New Literary Review publ. (in Russ.).
3. Singer, P. (2021). *Animal Liberation*. Moscow: Sindbad publ. (in Russ.).
4. Castro, E. V. de. (2017). *Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russ.).
5. Agamben, J. (2021). *Extreme Poverty. Monastic Rules and Form of Life*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute publ., Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
6. Cox, H. (1995). *The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective*. Moscow: Vostochnaya Literatura publ. (in Russ.).
7. Robertson, D. (2020). *How to Think Like a Roman Emperor: The Stoic Philosophy of Marcus Aurelius*. Moscow: Eksmo publ., BOMBORA publ. (in Russ.).
8. Marcus Aurelius. (1993). *Reflections*. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
9. Foucault, M. (1996). *The Will to Truth*. Moscow: Kastal publ. (in Russ.).
10. Yarovaya, E. V. (2025). The Influence of Transhumanism on Society. Prospects and Consequences. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 101–107. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-101-10 (in Russ.).
11. Harman, G. (2024). *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Moscow: Ad Marginem Press publ. (in Russ.).
12. Loskutov, Yu. V. (2021). “Flat Ontology” in a Social Context. In: *New Ideas in Philosophy*, 8 (29), 89–98 (in Russ.).
13. Kriman, A. I. (2024). Latour’s Actor-Network Theory in the Context of the Departure from Anthropocentrism in Posthumanism. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*, 4, 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16 (in Russ.).
14. Nesteruk, A. V. (2025). *God, the Universe, and Man: Philosophical Crossroads of Christian Theology, Modern Cosmology, and Astrobiology*. Moscow: Kanon+ ROOI “Rehabilitation” (in Russ.).
15. Zuboff, S. (2024). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
16. Gumbrecht, H. U. (2006). *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Moscow: New Literary Review publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коротков Николай Владимирович (г. Киров) – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета;
e-mail: n_korotkov@mail.ru

Мусин Артём Игоревич (г. Москва) – диакон, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»; доцент кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета;
e-mail: ai.musin@physics.msu.ru; ORCID: 0000-0002-3167-9023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay V. Korotkov (Kirov) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities and Social Science, Kirov State Medical University;
e-mail: n_korotkov@mail.ru

Artem I. Musin (Moscow) – Deacon, Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Department of Physics, Moscow State University of Technology “STANKIN”; Assoc. Prof., Department of Physics and Teaching Physics, Vyatka State University;
e-mail: ai.musin@physics.msu.ru; ORCID: 0000-0002-3167-9023